
ВОСПОМИНАНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПИСЬМА.

1. А. В. Горскій.

Александръ Васильевичъ Горскій, профессоръ, а потомъ, въ санѣ протоіерея, ректоръ Московской Духовной Академіи (род. въ 1812, ум. въ 1875 г.), останется незабвеннымъ въ академическихъ лѣтописяхъ, какъ человѣкъ свѣтлаго ума, обширной и основательной учености, рѣдкой доброты, высокихъ нравственныхъ качествъ и глубокаго, неліцемернаго благочестія, всецѣлой преданности православію и церкви православной. Такое, полагаю, воспоминаніе сохранилъ о немъ каждый, кто имѣлъ счастье знать его и находиться въ болѣе или менѣе близкихъ съ нимъ сношеніяхъ.

Когда въ 1848 году поступилъ я въ Академію студентомъ, Александру Васильевичу не было еще и сорока лѣтъ; но онъ казался пожилымъ человѣкомъ, много старѣ своихъ лѣтъ. Наружность его была примѣчательна. Онъ былъ немного выше средняго роста и сложенія мужественнаго, даже съ нѣкоторою наклонностью къ полнотѣ. По тогдашнему обычаю, онъ брился, и потому крупныя черты лица его выступали еще рельефнѣе, — широкій, съ пріятною улыбкой, ротъ крупный, широкій же носъ, сѣрые, привѣтливо смотрявшіе глаза подъ необыкновенно густыми черными, уже съ просѣдью, бровями; большая характерная голова была уже значительно обнажена спереди, и черные съ просѣдью волосы онъ зачесывалъ на виски. Когда потомъ, по принятіи священнаго сана, онъ отпустилъ великолѣпную, большую окладистую, совершенно сѣдую бороду, наружность его, съ обнаженнымъ

сократовскимъ лбомъ, была чрезвычайно характерна. Одѣвался онъ всегда въ черное,—сюртукъ, хорошо, но не по модѣ сдѣланный, всегда чистый и опрятный, былъ непремѣнно ниже колѣнъ. Вообще, и будучи свѣтскимъ человѣкомъ, онъ производилъ впечатлѣніе духовнаго лица. Жилъ онъ въ небольшой, но одной изъ лучшихъ, казенной квартирѣ при Академіи (въ Лаврѣ), въ такъ-называвшемся тогда бакалаврскомъ корпусѣ. Квартира была въ три окна по фасаду: изъ передней налѣво маленькая столовая, она же и спальня, прямо зала и вмѣстѣ гостиная, скромно меблированная, изъ залы направо длинный, съ однимъ окномъ, кабинетъ. Кабинетъ, отчасти и спальня, были биткомъ набиты книгами. Здѣсь-то, въ этомъ кабинетѣ, онъ и проводилъ большую часть своего времени за учеными трудами. Впослѣдствіи къ его квартирѣ была прибавлена еще большая комната въ два окна, которая и сдѣлалась его кабинетомъ. При огромной грудѣ книгъ, разумѣется, нельзя было соблюсти въ комнатахъ порядокъ и чистоту; но порядокъ и опрятность онъ любилъ, и въ этомъ отношеніи представлялъ совершенную противоположность своему пріятелю и сотруднику въ описаніи Синодальной Библіотеки — Капитону Ивановичу Невоструеву. Въ комнатахъ Александра Васильевича былъ особый, специфическій, хотя не непріятный запахъ: онъ курилъ, и въ большомъ количествѣ, особенно за работой, сигары, разумѣется, невысокаго достоинства, — и вотъ запахомъ этихъ сигаръ были пропитаны его комнаты и все, что въ комнатахъ. Бывало, по этому запаху сейчасъ узнаешь книгу, взятую у Александра Васильича. Своею привычкою курить сигары, онъ очень стѣснялся; но оставить ее долго не могъ, пока особымъ обстоятельствомъ не убѣдился въ рѣшительной необходимости оставить. Въ его автобіографіи разсказывается, что однажды, именно 23 октября 1849 г, когда онъ былъ по дѣламъ у митрополита Филарета, послѣдній, во время откровенной съ нимъ бесѣды, предваривъ его словами: „ты объ этомъ никому не скажешь кромѣ ректора,“ прочиталъ ему изъ какой-то тетради мѣсто, гдѣ говорилось, что воспитанники духовныхъ школъ, выходя на службу, худо ведутъ себя, играютъ въ карты „курятъ табакъ“. Послѣ этого,—разсказываетъ Александръ Васильичъ,—владыка сказалъ: „Вотъ какъ внимательно смотреть за нами. А я могу сказать, что профессоръ Горскій въ октябрь 1849 года явился курившимъ табакъ.“ Я долженъ былъ сознаться въ томъ.—„Это мелочи, продолжалъ владыка,—но профессору будутъ подражать и студенты.

Это мелочи; но читанное мною представлено было Государю, а объясненіе еще дойдетъ ли до его рукъ. Привыкши къ куренію въ свѣтскомъ званіи, трудно будетъ отстать отъ него и сдѣлавшись священникомъ... Впрочемъ, ты не гнѣвайся на мое замѣчаніе. Надобно быть во всемъ осторожну. Церковь наша точно воинствующая—отовсюду терпитъ нападенія, и можетъ быть это писано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ренегатовъ.“ При томъ благоговѣніи, какое Александръ Васильевичъ питалъ къ митрополиту Филарету и каждому его слову, замѣчаніе такого рода, безъ сомнѣнія, произвело на него впечатлѣніе; но отчасти, можетъ быть, и благодушіе, съ какимъ оно сдѣлано митрополитомъ, было причиною, что Александръ Васильичъ не оставилъ своей привычки. А когда черезъ шесть лѣтъ послѣ этого ректоръ Академіи получилъ пзвѣстное теперь и въ печати письмо митрополита Филарета о табакѣ, ¹ то Александръ Васильичъ, прочитавъ его, сказалъ: „какъ же мы будемъ требовать отъ студентовъ, чтобы не курили, когда сами подаемъ имъ въ этомъ примѣры!“—и, воротясь въ свою квартиру, выбросилъ всѣ свои сигары, и съ тѣхъ поръ не курилъ уже никогда.

Въ первые два года студенчества (на младшемъ курсѣ, какъ тогда говорили) мы видали Александра Васильича только за церковными службами и въ библіотекѣ. Своей церкви при Академіи тогда не было,—митр. Филаретъ находилъ ее излишнею при обилии церквей въ Лаврѣ. Подъ воскресенье и каждый праздникъ всенощныя, а также постомъ вечерни, утрени и часы, служились въ актовомъ академическомъ залѣ, изъ котораго устроена потомъ, въ ректорство Александра Васильевича, академическая церковь, теперь уже совсѣмъ передѣланная и значительно расширенная. Когда-же въ Лаврѣ жила митрополить, особенно

¹ Помню обстоятельства, послужившія поводомъ къ написанію этого письма. Послѣ коронаціи императора Александра II, въ числѣ сопровождавшихъ его лицъ прибылъ въ Лавру принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Ему отведено было помѣщеніе въ Академіи, въ студенческомъ корпусѣ, въ квартирѣ инспектора. Вставши рано утромъ, принцъ спустился въ первый этажъ и прошелъ въ студенческія комнаты и чайную. Такого ранняго посѣщенія, конечно, не ожидали: въ комнатахъ пахло табакомъ, а въ чайной студенты пили чай, причемъ нѣкоторые курили. Принцъ разсказалъ это въ царскомъ семейномъ кругу, о чемъ дошло и до свѣдѣнія митрополита Филарета. Вотъ тогда-то онъ и написалъ къ ректору свое знаменитое письмо, въ которомъ такъ мѣтко охарактеризовалъ прихоть табакокурения и раскрылъ неприличіе его для духовныхъ воспитанниковъ.

лѣтомъ, послѣ Сергіева дня, въ пору экзаменовъ, во всенощной студенты ходили въ домовую при митрополичьихъ покояхъ церковь и здѣсь правили службу, за которой, особенно за чтеніемъ и пѣніемъ студентовъ, митрополитъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ и свои одобрительныя, или неодобрительныя замѣчанія сообщалъ ректору, обыкновенно заходившему въ его келью послѣ всенощной. Всенощныя академическія въ эти два года обыкновенно служилъ студентъ старшаго курса, изъ вдовыхъ священниковъ, Иванъ Михайловичъ Тихомировъ (нынѣ Савва архіепископъ Тверской),—его служеніе очень нравилось намъ. Близъ средняго окна съ правой стороны отъ входа, бывшаго противъ ректорской квартиры, стояли у поставленныхъ стульевъ, на которые впрочемъ никогда не садились, ректоръ (Алексій, скончавшійся въ санѣ архіепископа Тверскаго), и инспекторъ Академіи (Сергій, нынѣ митрополитъ Московскій); за ними, отступя, стоялъ единственный тогда монахъ изъ бакалавровъ о. Ѳеодоръ (Бухаревъ); за нимъ, еще далѣе, къ углу отъ двери, стояли профессора и бакалавры,—стояли чинно, не разговаривая, какъ нынѣ бываетъ, ибо всѣ хорошо понимали, что церковная служба не время для разговоровъ, да и нѣкоторый страхъ стоявшаго впереди начальства удерживалъ отъ неподзновеній въ празднымъ бесѣдамъ. Подъ большіе праздники, когда негодосиный отецъ Іоаннъ начиналъ пѣснь величанія, ему обыкновенно подтативали всѣ наставники, у кого былъ голосъ, и особенно отличался при этомъ, обладавшій прекраснымъ басомъ и искусствомъ пѣнія, бакалавръ логики Ипполитъ Михайлычъ Боголюбовскій-Платоновъ, бывшій потомъ протоіереемъ Троицкой на Арбатѣ церкви. Студенты стояли съ лѣвой стороны, вдоль партъ. Послѣ Евангелія всегда происходила церемонія прикладыванія къ оному, или, подъ праздники, къ праздничной иконѣ. Сначала прикладывалось начальство, потомъ профессора и бакалавры по чину,—ихъ шествіе обыкновенно открывалъ Александръ Васильичъ, быстрымъ шагомъ, со сложенными на груди руками (его любимая манера ходить и стоять въ церкви). Наконецъ шли студенты по нумерамъ, то-есть, отдѣльно живущіе въ каждой комнатѣ, по два врядъ. Этотъ порядокъ давалъ возможность начальству слѣдить, всѣ ли студенты за службой. Живо помню, какъ передъ этимъ подходилъ ко мнѣ милѣйшій Илья Васильевичъ Бѣляевъ, нашъ нумерной старшій, и мы открывали съ нимъ шествіе нашего нумера. Илья Васильичъ былъ дедикатѣйшій, самый умный

и талантливый изъ своихъ товарищей-москвичей, между которыми иные воображали себя какими-то „интеллигентами“, „цивилизаторами“ остальнаго „провинціальнаго“ студенчества, что выходило довольно смѣшно. У Ильи Васильича совсѣмъ не было этой фанаберіи „москвича“, и потому мы очень его любили. По выходѣ изъ Академіи онъ былъ профессоромъ Московской Семинаріи и продолжалъ ученыя занятія. Его изслѣдованіе о Стоглавѣ и другія составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, для которой онъ безъ сомнѣнія сдѣдалъ бы много, еслибы смерть не похитила его такъ рано. По своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ кругу славянофиловъ, въ которомъ его принимали очень внимательно. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Къ обѣдамъ мы ходили обыкновенно въ лаврскую трапезную церковь, въ которой митрополитомъ предоставлено было служить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ позднія литургіи академическому духовенству для студентовъ. Служенія были торжественныя, — всегда служилъ или ректоръ, или инспекторъ; на обоихъ клиросахъ пѣли студенты; всѣ же студенты по очереди произносили проповѣди своего сочиненія. Александръ Васильевичъ, неопустительно посѣщавшій церковныя службы, становился обыкновенно за лѣвымъ клиросомъ. Благоговѣніе, съ какимъ онъ слушалъ богослуженіе и молился, несомнѣнно благотворнымъ образомъ дѣйствовало на большинство студентовъ, между которыми вольномысліе было тогда еще рѣдкимъ явленіемъ (хотя были конечно и такіе, что съ подозрѣніемъ относились ко всякому проявленію благочестія и готовы были видѣть въ немъ ханжество).

Чаше приходилось встрѣчаться съ Александромъ Васильевичемъ въ библіотекѣ. Онъ уже былъ тогда библіотекаремъ, и занималъ эту должность до самаго назначенія въ ректоры. Библіотекарь онъ былъ идеальный, — зналъ библіотеку, какъ свои пять пальцевъ, — и не только съ внѣшней ея стороны, относительно размѣщенія и расположенія книгъ по шкафамъ и полкамъ, но и съ внутренней, — рѣдкая книга не была имъ прочитана и многія испещрены по полямъ его замѣчаніями. Для студентовъ онъ самъ былъ ходячая и вполне доступная библіотека. Бывало, только получать темы для сочиненій, спѣшать въ библіотечныя залы (въ старомъ, платоновскомъ, теперь передѣланномъ въ столовую, зданіи) и обступаютъ Александра Васильевича съ просьбами, — ука-

затѣ книги, гдѣ можно почитать на данную тему,—и никто не уйдетъ съ пустыми руками. Къ студентамъ, болѣе даровитымъ и болѣе усердно занимающимся, онъ оказывалъ при этомъ особое вниманіе и обильнѣе снабжалъ ихъ книгами. У него было пристрастіе къ нѣмецкимъ книгамъ, которыя преимущественно и выписывалъ въ библіотеку: ими-то и надѣлялъ онъ щедро лучшихъ студентовъ.

На третьемъ академическомъ году, перейдя на старшій курсъ, познакомились мы съ Александромъ Васильевичемъ, какъ съ профессоромъ. Онъ читалъ тогда общую церковную исторію и отчасти исторію русской церкви (для нея тогда еще не было особой кафедрѣ); ту и другую зналъ онъ въ совершенствѣ, по первоисточникамъ, и внимательно слѣдя за разработкой ихъ русскими и иностранными учеными. Къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ онъ относился съ рѣдкимъ вниманіемъ, на лекціи являлся неопустительно и аккуратно въ положенное время. О характерѣ его чтеній по церковной исторіи не стану говорить, такъ какъ значительная часть ихъ уже напечатана и каждый желающій можетъ съ ними ознакомиться. Укажу только на рѣдкую теперь особенность этихъ чтеній — на ихъ строго православный характеръ, при полномъ соблюденіи научности и ученой критики. Нельзя также не упомянуть, что его лекціи (особенно Евангельская исторія) и самое произношеніе ихъ были согрѣты живымъ религіознымъ чувствомъ.

Но важнѣйшую заслугу Александра Васильевича для развитія у насъ церковно-исторической и вообще богословской науки составляютъ не лекціи его, читанныя на кафедрѣ, а его печатные научные труды и особенно его содѣйствіе появленію на свѣтъ множества такихъ трудовъ, предпринятыхъ другими учеными. Перечислять ученые труды его по исторіи Восточной и Русской церкви, напечатанные по преимуществу въ академическомъ журналѣ (*Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями*), хорошо всѣмъ извѣстны, разумѣется, нѣтъ надобности; достаточно напомнить капитальнѣйшее изъ нихъ — „Описаніе“ рукописей Синодальной библіотеки, которое послѣ извѣстной классической книги Востокова, не имѣютъ себѣ равнаго и доселѣ не найдетъ достойнаго продолжателя¹. Нужно

¹ Какъ любилъ А. В. — чѣ занятія по изученію древней русской письменности, хорошо показываетъ его письмо къ Ал. И. Хлудову, по поводу

впрочемъ замѣтить, что печатные труды Александра Васильевича не такъ многочисленны и обширны, какъ-бы слѣдовало ожидать отъ такого неутомимаго работника, какимъ онъ былъ. Это, кажется, надобно объяснять тѣмъ, что большую половину его времени отнимали у него ученныя работы *для другихъ*. Онъ представлялъ весьма рѣдкое и потому особенно достойное благодарной памяти явленіе среди ученыхъ, — у него совсѣмъ не было той, всему почти ученому цеху свойственной, эгоистической черты, чтобы таить отъ другихъ свои ученныя открытія и изысканія, изъ опасенія, какъ-бы кто не восхитилъ ихъ и не предупредилъ обнародованіемъ; напротивъ, какъ истинный ученый, желая только преуспѣанія наукъ, онъ охотно дѣлился своими знаніями со всякимъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ, или указаніями: подъ его руководствомъ и при его содѣйствіи явилось на свѣтъ очень много капитальныхъ ученыхъ трудовъ. Эти почти постоянныя ученныя работы для другихъ, дѣйствительно, похищали у него очень много времени, и въ этой его готовности помогать всякому, въ особенности серьезно занимающемуся ученымъ трудомъ, нужно признать не только примѣчательную, высоконравственную черту его характера, но и великую заслугу его для науки.

Кто только ни обращался къ нему за совѣтомъ, указаніемъ, за пособіемъ, или ученой справкой! Здѣсь, разумѣется, прежде всего слѣдуетъ назвать студентовъ. На третьемъ году академическаго курса одно изъ сочиненій всегда писали на тему изъ церковной исторіи, по назначенію Александра Васильевича: сочиненіемъ этимъ всегда занимались студенты съ особеннымъ вниманіемъ, и здѣсь-то первый разъ приходилось испытывать, съ какою готовностію давалъ онъ нужныя пособія, совѣты и указанія для назначенной работы. Студентовъ, съ особымъ успѣхомъ написавшихъ сочиненіе, онъ имѣлъ обычай потомъ приглашать къ себѣ и бесѣдовать съ ними по поводу ихъ работы. Тутъ большею частію опредѣлялось, кто будетъ писать ему и „курсовое“ сочиненіе, какъ называли тогда сочиненія на степень. И вотъ эти, кому приходилось въ теченіе года писать Александру Васильевичу курсовое сочиненіе и которые тѣмъ самымъ обре-

полученнаго мнѣ, чрезъ мое посредство, извѣстнаго „Описанія рукописей Хлудовской бібліотеки“, составленнаго А. Н. Поповымъ. Письмо это А. И. Хлудовъ отдалъ мнѣ, и теперь неизлишне напечатать его.

кались на серьезный и тяжелый трудъ, могли уже въ полной мѣрѣ оцѣнить его готовность руководить ихъ и помогать имъ въ ученомъ трудѣ. Сколькими книгами и рукописями (если сочиненіе относилось къ исторіи Русской церкви) надѣлялъ онъ ихъ, какъ часто приглашалъ къ себѣ для совѣтовъ и указаній, и съ какимъ тщаніемъ разсматривалъ потомъ ихъ работу! Многія изъ этихъ сочиненій явились потомъ въ печати. Они и доселѣ не утратили своего ученаго достоинства, и кромѣ того имѣютъ еще то достоинство, что совершенно чужды того отрицательнаго направленія, того стремленія указывать по преимуществу темныя стороны въ церковно-исторической жизни Востока и Россіи, оставляя безъ вниманія и даже подвергая отрицанію ея свѣтлыя стороны, какое явилось потомъ. Послѣ студентовъ за совѣтами и пособіями въ своихъ трудахъ чаще всего обращались къ Александру Васильевичу сами преподаватели, особенно молодые, только что оставленные на службу въ должности „бакалавровъ“, по тогдашнему названію. Доселѣ съ благодарностью воспоминается то живое участіе, съ какимъ онъ принималъ всякую подобнаго рода просьбу. Случалось, по сосѣдству, придти къ нему ночью за какою-нибудь справкой, за разрѣшеніемъ встрѣтившагося затрудненія, и если нужной книги не было у него подъ руками, онъ немедленно накидывалъ на плеча свою шинельку, бралъ фонарь (а то и безъ фонаря), бѣжалъ въ бібліотеку, вынималъ изъ шкафа (иногда опущу) и приносилъ требующуюся книгу. И старѣйшіе изъ академическихъ преподавателей, экстра-ординарные и ординарные профессора, въ своихъ ученыхъ трудахъ, особенно назначавшихся для печатанія въ академическомъ журналѣ, не обходились безъ его пособія. Затѣмъ весьма часто обращались къ нему за указаніями и справками знакомые ему духовные писатели, не принадлежавшіе къ Академіи,—и тутъ уже приходилось не только давать книги, или устные указанія, но дѣлать выписки изъ книгъ, иногда писать цѣлые трактаты, на что, какъ само собою понятно, немало требовалось времени. Чаще другихъ, въ свое время, обращался къ нему съ такими просьбами его другъ, совмѣстно трудившійся съ нимъ еще въ Академіи,—архіепископъ Черниговскій Филаретъ: объ этихъ его сношеніяхъ съ Александромъ Васильичемъ достаточно свидѣлствуютъ напечатанныя теперь письма его къ послѣднему, и можно съ увѣренностію сказать, что безъ содѣйствія Александра Васильевича едва-ли

бы явились на свѣтъ такіе труды Филарета, какъ „Исторія русской церкви“, даже „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“. Много помогать также Александръ Васильичъ своими указаніями А. Н. Муравьеву, именно въ составленіи его книги „Житія святыхъ русской церкви, также иверскихъ и славянскихъ“; удивляясь обширнымъ познаніямъ Александра Васильича, Андрей Николаичъ обыкновенно звалъ его, и въ письмахъ, и въ глаза „премудростью“. Наиболѣе важныя и требовавшія тщательнаго труда ученныя работы поручалъ ему митрополитъ Филаретъ, скоро оцѣнившій въ немъ основательнаго ученаго и впослѣдствіи приблизившій его къ себѣ до такой степени, что вступалъ съ нимъ въ интимныя бесѣды о церковныхъ дѣлахъ стараго времени и о своемъ въ нихъ участіи: эти въ высшей степени интересныя и важныя бесѣды Александръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе немедленно записывать ¹. Нельзя не упомянуть, что иногда обращался къ Александру Васильичу съ вопросами церковно-историческими и иными касающимися церкви, очень уважавшій его оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ А. П. Толстой, или чрезъ посредство своего товарища князя С. Н. Урусова (въ исполненіи одного изъ этихъ порученій пришлось и мнѣ принять участіе), или чрезъ Т. И. Филиппова, состоявшаго при немъ въ должности чиновника особыхъ порученій ². Даже такія свѣтскія лица изъ интересующихся церковнымъ дѣлами, какъ, напримѣръ, гр. А. Д. Блудова, глубоко уважавшая Александра Васильевича, къ нему-же прибѣгали за разрѣшеніемъ интересовавшихъ ихъ церковныхъ вопросовъ ³. Наконецъ и большинство нашихъ ученыхъ историковъ и археологовъ нахо-

¹ Эти записки надпечатаны покойнымъ ректоромъ Академіи прот. С. К. Симирновымъ; нѣчто изъ нихъ, не напечатанное еще, есть у насъ, и объ нихъ будемъ говорить особо.

² У насъ нѣтъ собственноручное (черновое) письмо А. В. Горскаго въ Т. И. Филиппову, писанное по поводу одного изъ такихъ порученій отъ гр. Толстого. Печатаемъ его въ виду несомнѣнной важности его содержанія.

³ Такъ чрезъ посредство В. Д. Кудрявцева, жившаго въ Петербургѣ для чтенія уроковъ философіи Цесаревичу Николаю, гр. Блудова обращалась къ А. В. Горскому съ однимъ вопросомъ по церковной исторіи, имѣющимъ, какъ ей казалось, отношеніе къ распрѣ между болгарами и греками. У насъ нѣтъ письма А. В. Горскаго къ В. Д. Кудрявцеву и отвѣтное этого послѣдняго. То и другое весьма интересно и потому печатаются ниже.

дѣлись не только въ сношеніяхъ съ Александромъ Васильевичемъ, но и пользовались его услугами для своихъ работъ,—назову изъ умершихъ, кромѣ В. М. Ундольскаго, К. И. Невоструева, А. Е. Викторова, его учениковъ по Академіи,—М. П. Погодина, И. М. Снегирева, И. И. Срезневскаго ¹.

Излагая наши личныя, отрывочныя воспоминанія объ А. В. Горскомъ, мы, само собою разумѣется, вовсе не думали писать его біографію, для которой едвали настало и время, хотя во всякомъ случаѣ она очень желательна ². Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ намъ еще не разъ придется касаться достолюбезнаго имени Александра Васильевича Горскаго.

Н. С—нъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

¹ Письмо А. В. Горскаго къ А. И. Хлудову.

(Писано въ 1872 г.)

Милостивый Государь
Алексѣй Ивановичъ.

Черезъ Николая Ивановича получилъ я отъ васъ великолѣпный экземпляръ описанія славянскихъ рукописей и книгъ вашей бібліотеки: даръ весьма цѣнный для меня—и по вашему особенному благорасположенію ко мнѣ, и по достоинству труда, и по изяществу изданія.

¹ Помню, что призвалъ въ Академію къ А. В—чу для занятій и Костомаровъ,—жилъ у него въ квартирѣ около недѣли. Изъ Петербурга онъ прислалъ потомъ письмо къ А. В—чу, тогда бывшему уже протоіереемъ, съ такимъ адресомъ: „Его Превелебію“ (вѣсто Высокопреподобію),—А. В—чъ съ удивленіемъ показывалъ мнѣ этотъ адресъ. А чтобы дать понятіе о томъ, съ какою внимательностію относился А. В—чъ къ просьбамъ нашихъ ученыхъ о сообщеніи имъ тѣхъ, или иныхъ указаній, или замѣчаній къ ихъ трудамъ, печатаю имѣющіяся у меня: подлинное письмо И. М. Снегирева къ А. В—чу о просмотрѣ его сочиненія о иконописаніи, и черновыя—отвѣтное письмо А. В—ча и самыя его замѣчанія на сочиненіе Снегирева. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности провѣрить, воспользовался ли и на сколько воспользовался Снегиревъ этими замѣчаніями.

² Преосвящ. Николай еп. Алеутскій, учившійся въ Академіи во время ректорства А. В. Горскаго и сохраняющій благоговѣйную память о немъ, внесъ въ Академическое правленіе сумму, для выдачи тому, кто напишетъ удовлетворительную біографію протоіерея Горскаго. Въ минувшемъ году дана была эта работа одному изъ студентовъ, въ качествѣ диссертациі на степень, и читавшими, какъ мы слышали, данъ о ней добрый отзывъ.

Наслажденіемъ для меня было въ вашемъ собраніи рукописей проходить по знакомымъ статьямъ и книгамъ, надъ которыми работали мы съ достопочтеннымъ сотрудникомъ моимъ Капитономъ Иванычемъ ¹, и въ то же время, при помощи надежнаго руководителя ², находить для себя новые предметы ученой любознательности. Какъ разгаралась душа, встрѣчая въ отчетливомъ описаніи вашихъ старописьменныхъ сокровищъ много совершенно неизвѣстнаго, или мало изслѣдованнаго. Какое богатство у васъ древнихъ богослужебныхъ рукописей, и какъ бы желательно было, чтобы они послужили къ разъясненію исторіи нашего богослуженія, представляя намъ списки большею частію другихъ славянскихъ церквей! Сколько любопытнаго содержатъ въ себѣ №№ 162 и 195. Но съ этими достопочтенный авторъ описанія по крайней мѣрѣ хорошо познакомили посредствомъ обильныхъ выписокъ ³; а сколько еще драгоценнаго таится для ученаго изслѣдователя въ другихъ, о которыхъ по необходимости могло быть сообщено только краткое свѣдѣніе.

О, священная старина! Сколько въ ней разумнаго! Въ одной изъ приписокъ писецъ, оговариваясь насчетъ своихъ погрѣшностей въ богослужебной книгѣ, говоритъ: „чѣ медъ и на черовѣ (д. б. черокѣ) корѣ е, нѣ благъ е (то-есть, хотя бы медъ былъ и на дубовой корѣ, имѣющей въ себѣ горечь, но онъ все медъ): такъ и слова Божія аще су груба и неисправена, но Божіи суть“. О, если бы и православные и отклоняющіеся отъ православія хорошо это помнили всегда!

Приношу еще разъ вамъ, достоуважаемый споспѣшникъ духовнаго просвѣщенія, глубочайшую благодарность за обнародованіе свѣдѣній о вашихъ ученыхъ приобрѣтеніяхъ и за честь, которую изволили оказать мнѣ незаслуженнымъ для меня способомъ.

Вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга,
Ректоръ М. Д. Академіи
протоіерей Александръ Горскій.

¹ Невоструевъ.

² Разумѣется составитель Описанія А. Н. Поповъ.

³ Подъ № 162 описанъ Трехологіи XIV вѣка, подъ № 195 Торжественникъ тоже XIV вѣка. Дѣйствительно, описаніе этихъ весьма рѣдкихъ рукописей сдѣлано очень обстоятельно, съ приведеніемъ важнѣйшихъ статей въ цѣломъ ихъ составѣ.

2. Письмо А. В. Горюхаго къ Т. И. Филиппову. ¹

Досточтимѣйшій и любезнѣйшій

Тертій Ивановичъ!

Простите меня, что я не отвѣчалъ Вамъ еще и на предыдущее письмо Ваше. Причиною было частію то, что я находился тогда не на своемъ мѣстѣ, частію то, что Ваше первѣйшее извѣстіе о ходѣ академическаго дѣла въ Св. Синодѣ еще заставляло ожидать новыхъ свѣдѣній отъ Васъ. Какъ бы то ни было однако же, мы весьма благодарны Вамъ и за то, что Вы сообщили, тѣмъ болѣе, что ни отъ кого болѣе не слышимъ. Я слышалъ, что предшествовавшее письмо Ваше застало меня не дома. Въ то время былъ я въ Москвѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы по порученію комитета ² представить святителю ³ переводъ первыхъ десяти главъ Ев. Марка и принять отъ него замѣчанія къ исправленію. Подивитесь усердію и ревности Первосвященника Божія: при всѣхъ своихъ дѣлахъ, при всѣхъ отвлеченіяхъ постороннимъ, при всемъ оскудѣніи силъ въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ, онъ сдѣлалъ по этому предмету пять засѣданій отъ двухъ до четырехъ часовъ каждое. Видно, чувствуетъ онъ долгъ своего званія; видно, сознаетъ нужду и пользу дѣла для св. церкви.

Теперь буду отвѣчать на второе письмо ваше. Но прежде всего усерднѣе прошу васъ засвидѣтельствовать милостивѣйшему начальнику нашему, его сіятельству ⁴, глубочайшую благодарность мою за благосклонное снисхожденіе его ко мнѣ, и душевную преданность ему.

Евгеній Голубинскій, сочинитель разсужденія: „О образѣ дѣйствованія православныхъ государей греческихъ противъ еретиковъ“, не родственникъ покойнаго нашего профессора, отца протоіерея Θεодора Александровича, но только землякъ ему и мнѣ. Весьма радъ я, что трудъ Голубинскаго обратилъ на себя милостивое вниманіе начальства. Долженъ я вамъ сказать, что

¹ Безъ даты; но по содержанію слѣдуетъ отнести его къ 1858 г.

² Составленный при Академіи комитетъ для перевода на русскій языкъ книгъ Свящ. Писанія Новаго Завета.

³ То-есть, митрополиту Филарету.

⁴ То-есть, графу А. П. Толстому.

и задача эта была дана святителемъ нашимъ¹ и поручена Голубинскому по благонадежности его. На конференціи, послѣ окончанія экзаменовъ, при общемъ разсмотрѣніи всѣхъ магистерскихъ сочиненій, святитель выслушалъ ее около половины, назначая тѣ или другія мѣста для чтенія², и остался ею доволенъ. Почему онъ самъ не назначилъ ее для печатанія, я не знаю: можетъ быть потому, что уже было напередъ избрано имъ другое сочиненіе (Объ антихристѣ) для печати,³ или потому что миновали обстоятельства, по которымъ была предложена задача, или почему другому. Если теперь милостивымъ опредѣленіемъ начальства разрѣшено будетъ напечатать это сочиненіе, то мы бы желали, и отецъ ректоръ просить, чтобы предоставлено было напечатать его въ нашемъ изданіи. Это можно будетъ сдѣлать въ первой книжкѣ будущаго года, а отдѣльными оттисками и ранѣе. Сочинителю мы дали бы и приличное вознагражденіе. Благоволите только выслать диссертацию съ разрѣшеніемъ⁴.

Сколько я понималъ другой вопросъ вашъ, онъ касается права мирянъ на участіе въ рѣшеніи вопросовъ догматическихъ. Вы

¹ Митр. Филаретъ назначалъ иногда темы для „курсовыхъ“ сочиненій студентовъ. Настоящая, очевидно, дана имъ въ видахъ разъясненія, каковы должны быть правильными, установленныя практикой времени глубокой христіанской древности, отношенія православной государственной власти къ раскольникамъ.

² Это былъ у митр. Филарета обычный способъ знакомиться съ представленными на степень сочиненіями студентовъ, чтобы потомъ произнести о нихъ одобрительное, или неодобрительное сужденіе.

³ Сочиненіе объ антихристѣ, принадлежавшее студенту Сабурову, стоявшему въ спискѣ нѣсколько выше Голубинскаго, и потому ранѣе прочитанное, было напечатано въ *Приб. къ твор. св. отца* за 1858 г.

⁴ Любопытно, что на сочиненіе г. Голубинскаго, въ которомъ, на основаніи достовѣрныхъ историческихъ показаній, раскрыто, что православные императоры IV—VI вв. считали своею священною обязанностию помогать Церкви въ искорененіи ересей и расколовъ, подвергая еретиковъ и раскольниковъ карамъ, иногда крайне суровымъ, и что такой образъ ихъ дѣйствованія имѣлъ благотворныя для церкви послѣдствія, откуда само собою слѣдовало, что всякое послабленіе со стороны нашего правительства раскольникамъ не соответствуетъ характеру дѣятельности первыхъ христіанскихъ императоровъ и не можетъ быть благотворно для Церкви,—любопытно, говорю, что на такое сочиненіе обратили особенное вниманіе въ Петербургѣ, куда оно, вмѣстѣ съ другими магистерскими сочиненіями, было препровождено на окончательное разсмотрѣніе. Желаніе петербургскихъ властей видѣть сочиненіе напечатаннымъ было исполнено: оно дѣйствительно появилось въ первой книжкѣ Академическаго журнала за 1859 годъ. На раскольниковъ оно, разумѣется, произвело тяжелое впечатлѣніе; напротивъ, ревнители православія встрѣтили его съ большою радостію. Одинъ изъ нихъ, В. А. Сапелкинъ даже испросилъ дозволеніе издать сочиненіе (и издалъ въ 1860 г.) особою книжкою, которую усердно распространялъ. О всемъ этомъ назидательно вспомнить теперь, когда тотъ же г. Голубинскій за свои новѣйшія сочиненія о расколѣ сдѣлался у раскольниковъ persona grata.

предлагаете его какъ вопросъ историческій, а не юридическій. И отвѣчаю на него исторически.

Какъ разрѣшала этотъ вопросъ древняя церковь, это видно изъ 64 правила собора Трульскаго: „не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносить слово, или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися отъ Господа преданному чину, отверзати ухо пріившимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися божественному“ и д. Все это правило, опираясь на словахъ Апостола и на изъясненіи ихъ св. Григоріемъ Богословомъ, ясно показываетъ, какъ церковь вселенская, отъ временъ апостольскихъ, понимала отношенія мірянъ къ учительству. Не выписываю его вполнѣ: книга правилъ, конечно, у васъ подъ рукой. Укажу еще на нѣсколько фактовъ изъ древней исторіи церковной.

Когда Констанцій хотѣлъ добиться отъ епископовъ православныхъ церковнаго признанія аріанства, съ осужденіемъ защитника православія св. Аѳанасія Александрійскаго, объявивъ на соборѣ Медиоланскомъ: „чего я хочу, то и да будетъ вамъ правиломъ“, тогда православные епископы скорѣе согласились идти въ ссылку, нежели признать это правило. А св. Осія Кордовскій писалъ императору: „не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказаній объ оныхъ; а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви. Какъ восхищающій себѣ твою власть противорѣчить учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжелой винѣ“ (Твор. св. Аѳанасія въ русс. пер., ч. 2, стр. 119).

Императоръ Θεодосій младшій, назначая вселенскій соборъ въ Ефесѣ, писалъ св. Кириллу Александрійскому, что „вопросы о благочестіи (или православіи) не должны оставаться неизслѣдованными, и судіями въ рѣшеніи ихъ должны предсѣдательствовать всѣ предстоятели священства: чрезъ нихъ и мы будемъ тверже въ истинномъ ученіи“. Тотъ-же императоръ, назначая на соборъ Ефесскій чиновника отъ себя, писалъ къ собору, что онъ посылаетъ этого человѣка „не затѣмъ, чтобы участвовать ему въ изслѣдованіяхъ о догматахъ: ибо непозволительно сущему внѣ списка святѣйшихъ епископовъ замѣшиваться въ церковныя вопросы“, но съ тѣмъ, чтобы онъ 1) толпы народа и монашествующихъ, собравшихся, или имѣющихъ собраться въ городъ, гдѣ назначенъ соборъ вселенскій, удалялъ отъ го-

рода; 2) заботился о прекращеніи несогласій между членами собора; 3) наблюдалъ, чтобы никто изъ членовъ собора не удалялся изъ города ранѣе окончанія дѣла и 4) чтобы, наконецъ, не занимались на соборѣ дѣлами посторонними (Binii, concilium Ephes. p. 163, 166, 167).

Когда императоръ Левъ Исаврянинъ указомъ захотѣлъ отмѣнить церковное почитаніе святыхъ иконъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ писалъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: „Не позволимъ себѣ слѣдовать царскому опредѣленію, которое угрожаетъ превращеніемъ обычаю, преданному отцами... Рѣшать такіе вопросы дѣло соборовъ, а не царей. Не царямъ дать Христосъ власть вязать и рѣшать, но Апостоламъ и ихъ преемникамъ, пастырямъ и учителямъ“.— „Что говорить божественный Апостолъ? *Овыхъ положи Богъ въ церкви, перше Апостоловъ, второе пророковъ, третіе (пастырей) и учителей для совершенія церкви.* Не сказалъ: царей. Также: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жительства, подражайте имъ.* Не цари глаголаша намъ слово Божіе, но апостолы и пророки, пастыри и учителя... Повинуемся тебѣ, государь, въ дѣлахъ относящихся до жизни, во всемъ, что касается даней, оброковъ, пошлинъ, что поручено тебѣ надъ нами; но что касается до церковнаго устройства, то у насъ есть пастыри, глаголавшіе намъ слово Божіе и утвердившіе церковное законоположеніе“. S. Ioh Damasc. op. t. 1, p. 329, 335, 336.

Утверждающіеся на словѣ Божіемъ и общемъ преданіи церковномъ догматы церковъ не воспрещала изъяснять, на пользу вѣрнымъ, въ своихъ сочиненіяхъ и мірянамъ; но требовала, чтобы это дѣлалось съ ея вѣдома и одобренія. Установленіе духовной цензуры не новое учрежденіе въ православной церкви. Соборъ Константинопольскій при патріархѣ Львѣ (1134—1143), по случаю появленія въ публикѣ нѣкоторыхъ неправомысленныхъ сочиненій, постановилъ, чтобы „никакое новоявившееся сочиненіе не было допускаемо до общаго чтенія, прежде нежели оно будетъ представлено католической церкви и, по разсмотрѣніи, будетъ одобрено и признано какъ благочестивое и полезное“. (Zuntz т. Θεῶν κανόνων Т. 5, с. 81).

Участіе императоровъ въ рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ означало не утвержденіе собственно ихъ постановленій, но присоединеніе самихъ государей, яко первыхъ членовъ церкви, къ голосу собора, для того, чтобы исповѣдывать постановленное не

только самимъ, но и со всѣми своими подданными,—такъ сказать, перенести рѣшеніе изъ области церкви въ область государства.

Простите, что, спѣша дать требуемые отвѣты, писалъ я такъ дурно. А переписать письмо нѣтъ теперь времени“.¹

3. Письмо А. В. Горскаго къ В. Д. Кудрявцеву.

Достолюбезнѣйшій и душевноуважаемый мною
Викторъ Дмитріичъ!

Извиняться не въ чемъ. Не обременили мы другъ-друга перепиской. Не часто я получаю отъ васъ вопросы и порученія. Напротивъ того, я очень благодаренъ вамъ, что вы доставили мнѣ случай, хотя издали, побесѣдовать съ вами. Да и вопросы ваши не затруднили справками.

Дѣянія соборовъ Яскаго 1642 и Іерусалимскаго 1672 г., по дѣлу патр. Кирилла Лукаря, изданы въ собраніи: *Libri Symbolici Ecclesiae Orientalis*, нашимъ нѣмцемъ Киммелемъ въ 1843 году въ Германіи. Изданіе это посвящено бывшему нашему о. прокурору гр. Протасову. Здѣсь перепечатанъ текстъ греческій съ латинскимъ переводомъ, р. 325—487. Дѣянія собора Яскаго входятъ въ составъ собора Іерусалимскаго, какъ часть, р. 408 et sq. Не указываю вамъ на другія, древнія изданія, которыя труднѣе найти; но я думаю, въ Публичной библіотекѣ и тѣ есть. А что касается до Киммелева изданія, то между прочими мѣстами, гдѣ оно должно продаваться, указанъ въ Петербургѣ магазинъ Курта и комп. (не знаю, гдѣ онъ стоитъ).

Догматическая часть опредѣленій собора Іерусалимскаго, который членамъ вѣроисповѣданія кальвинскаго, ложно приписываемымъ церкви Восточной Православной, противопоставилъ истинно-православное исповѣданіе, издана и въ переводѣ на русскій языкъ въ 1838 году, въ извѣстномъ небольшомъ собраніи: „Царскія и патріаршія грамоты о учрежденіи Св. Синода, съ приложеніемъ православнаго исповѣданія Восточно-каѳолической церкви“. Это „изложеніе“ и есть то самое, которое написано на соборѣ Іеру-

¹ Письмо не подписано и, очевидно, не отправлено. По всей вѣроятности, оно все-таки было переписано и, быть можетъ, въ исправленномъ видѣ послано по назначенію.

салимскомъ, какъ это сказано и въ грамотѣ патріаршей с. 19. Оно же было въ послѣдствіи патріархами сообщено англичанамъ и въ такомъ видѣ переслано въ 1723 г. къ намъ. Русскій переводъ догматическихъ постановленій собора Іерусалимскаго нельзя назвать буквальныймъ: мѣстами въ русскомъ изданіи изложеніе точнѣе, чѣмъ въ греческомъ текстѣ; иное и пропущено. Но сущность дѣла и большая часть самаго изложенія вѣрно переданы.

На русскомъ языкѣ о Кириллѣ Лукарѣ въ недавнее время помѣщена была статья въ *Духовной Бесѣдѣ*. Спросите у Михаила Владиміровича¹ 1859 г. Статья впрочемъ не совсѣмъ стройно составлена и болѣе имѣетъ апологетическій характеръ.

Если хотите, исторіей Кирилла занимается и Киммель въ предисловіи къ своему изданію, р. XXI—L., подробно также говорить и о соборѣ Іерусалимскомъ, р. LXXV et sq.

Сообщивъ вамъ требуемыя свѣдѣнія, я не нахожу нужнымъ посылать вамъ самыя книги. Киммелево изданіе, я думаю, можетъ быть найдено и у хорошихъ книгопродавцевъ и безъ сомнѣнія есть въ Публичной Библіотекѣ. Патріаршія грамоты продаются въ книжной лавкѣ Св. Синода. Все это у васъ подъ рукой. Въ лѣсъ дровъ не возять.

Неожиданныя вѣсти о себѣ слышу отъ васъ, любезнѣйшій Викторъ Дмитриевичъ. На сырной недѣлѣ, бывши въ Москвѣ, имѣлъ я случай, не думая впрочемъ вовсе о какомъ-либо приложеніи къ себѣ, говорить со святителемъ о предположеніи—отправить на Востокъ кого-либо изъ духовныхъ для содѣйствія къ примиренію Грековъ и Болгаръ. Но и тогда, также какъ и теперь, казалось мнѣ, что отъ этого нельзя ожидать никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Споръ зашелъ далеко. Наши агенты обыкновенно посылаются съ самыми ограниченными правами. Да въ такомъ дѣлѣ не легко и принять на себя отвѣтственность въ какомъ-нибудь рѣшительномъ дѣйствіи, особенно при недостаткѣ единства во взглядѣ на самый споръ. Итакъ, слава Богу, что никакое предположеніе меня не коснулось.—Отправиться на Востокъ съ учеными цѣлями было бы, конечно, хорошо; но для этого нужно бы еще нѣсколько приготовить себя². Да теперь

¹ Шавровъ, нашъ общій товарищъ по Академіи; былъ профессоромъ въ Спб. Семинаріи и редакторомъ *Духовной Бесѣды*, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

² Вотъ какъ серьезно смотрѣлъ на заграничныя поѣздки съ ученою цѣлю этотъ истинно ученый мужъ!

и время на Востокъ весьма не спокойное. Итакъ видно, что и эта мечта должна быть отложена до ясныхъ дней ¹.

Посмотрѣть около себя: и тутъ намъ много дѣла, много борьбы. Не знаю, слѣдите-ли вы нынѣ за свѣтскою литературой, какъ прежде; а мнѣ кажется—ожесточеніе противъ всего духовнаго, церковнаго, съ усиленіемъ матеріалистическаго направленія, съ расширеніемъ либеральныхъ стремленій, съ каждымъ мѣсяцемъ становится сильнѣе. Нельзя появиться никакой серіозной книгѣ духовнаго писателя, которой бы не разругали. Противъ дѣльных замѣчаній — ни слова; но насмѣшка, усиліе представить все отсталымъ, схоластическимъ, ни къ чему въ настоящее время не годнымъ, ясно показываетъ желаніе все смѣшать съ грязью. И это простирается далѣе нашей незрѣлой литературы. Итакъ въ то время, какъ мы беремся устроить чужія дѣла, у насъ крыша падаетъ...

Не удавалось-ли вамъ сходиться гдѣ съ великимъ философомъ современнымъ, который взялъ на себя теперь трудъ дирижировать изданіемъ Энциклопедическаго лексикона и наполнять его своимъ безвѣріемъ?—Разумѣю Лаврова.

Нѣтъ-ли у васъ, любезнѣйшій Викторъ Дмитрічъ, времени что-нибудь сдѣлать для нашего изданія? Выборъ предмета вполне въ вашей волѣ. А вопросовъ много. Повглядитесь-ка, да напишите намъ что-нибудь. Въ настоящее время нужно проводить въ публику, путемъ размышленія, свѣтлыя руководящія истины откровенія. Посмотрите, какъ въ Кіевѣ подвизаются. Въ Петербургѣ В. Н. Карповъ переводитъ Евсевіеву книгу *Præparatio Evangelica*. Не скажу, чтобы трудъ былъ современный; но каждый дѣлаетъ по силамъ. И въ общей сложности, можетъ быть, пригодится и этотъ матеріалъ, который выкопать изъ земли, конечно, не мало стоило труда...

Душевно желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ

А. Горскій.

15 апр. 1861 г.

¹ И не суждено было осуществиться этой его „мечтѣ“!

4. Письмо В. Д. Кудрявцева къ А. В. Горскому.

Мая 23, 1861 г. Царское Село.

Многоуважаемый
Александръ Васильевичъ!

Извините, пожалуйста, что до сихъ не успѣлъ поблагодарить васъ за ваше радушное содѣйствіе и помощь нашему незнанію. Книгу, о которой вы писали, я нашелъ очень легко; но графиня Блудова не нашла въ ней, чего желала. Какъ оказалось, ее занималъ каноническій вопросъ: могутъ-ли епископы, собравшись на соборъ, обвинить и отлучить своего патріарха за ересь, или за другія вины? Этотъ вопросъ былъ возбужденъ нынѣшними распрями между Болгарами и Греками, — и ей, какъ кажется, хотѣлось узнать, могутъ-ли имѣть какое-нибудь основаніе Болгаре, отвѣчая отлученіемъ патріарха на его отлученіе отъ церкви Болгарскаго духовенства. Ей казалось, что на соборѣ Ясскомъ принимали главное участіе Русскіе и Молдавскіе епископы. Понятно, что въ дѣяніяхъ собора Яскаго она не могла найти удовлетворительнаго отвѣта на свой вопросъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о немъ очень смутны, да и подписи лицъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, въ книгѣ Киммеля не приведены. Я съ своей стороны, по малому знакомству съ церковною исторіей, также не могъ припомнить примѣровъ, которые бы могли оправдать любимыхъ ею Болгаръ. Лѣтомъ едва-ли придется видѣться съ Блудовыми, такъ какъ они переѣзжаютъ на дачу въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Царскаго; жаль, потому что это единственный домъ, гдѣ приходилось узнавать что-нибудь новенькое и притомъ достовѣрное.

Довольно одностороннее, чтобы не сказать болѣе, направленіе литературы, особенно тѣхъ ея органовъ, которые наиболѣе имѣютъ вліяніе, занимаетъ многихъ и здѣсь. Особенно жалуются на упадокъ научнаго образованія въ Университетахъ: вмѣсто науки студенты занимаются quasi-политическими демонстраціями. Былъ составленъ изъ гр. Строганова, Панина и Долгорукаго комитетъ, съ цѣлію уяснить настоящее положеніе Университетовъ и средства улучшить его. Но теперь, съ назначеніемъ новаго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Путятина, дѣйствіе этого Комитета приостановили. Гр. Строгановъ приписывалъ всѣ недостатки совре-

меннаго положенія Университетовъ причинѣ, какъ кажется, довольно мелкой,—допущенію въ нихъ вольныхъ слушателей. Нельзя сказать, чтобы въ свѣтскихъ кругахъ были довольны назначеніемъ гр. Путятина; боялся его религіознаго направленія и дружбы съ нашимъ Владыкой и гр. Толстымъ. Посмотримъ, что будетъ; но, кажется, однихъ административныхъ мѣръ недостаточно для того, чтобы перемѣнить господствующее направленіе общества. Журнальныя статьи, конечно, не имѣли бы вліянія, если-бы въ самомъ обществѣ не было предрасположенія подчиняться ихъ вліянію. Противъ идей должно сражаться идеями, а не виѣшнимъ оружіемъ силы... Кажется, и вы съ этимъ согласны. Но дѣло въ томъ, что эта борьба должна быть дѣломъ свободнымъ и что въ стремленіи къ какому-то идеальному совершенству не должно останавливать хотя и слабыхъ, но благонамѣренныхъ попытокъ противодѣйствовать одностороннимъ мнѣніямъ. А примѣръ, хотя бы о. Θεодора¹, показываетъ противное. Нельзя ожидать успѣха, когда не будетъ середины между направленіемъ Аскотенскаго и *Современника*. Вотъ, на примѣръ, прекрасная статья Ѳаворова въ Киевскомъ журналѣ, а я сильно сомнѣваюсь, чтобы она могла пройти въ большей части нашихъ духовныхъ журналовъ: для однихъ она будетъ слишкомъ отвлеченна и учена, для другихъ недостаточно современна, для третьихъ не вполне обработана и т. д.

Недѣли двѣ тому назадъ я переѣхалъ въ Царское село и кажется останусь здѣсь до глубокой осени, мѣсяца до ноября. Въ Петергофѣ, куда Дворъ переселится въ половинѣ іюня, думаю ѣздить отсюда, потому что къ сентябрю онъ возвратится въ Царское. Уроки мои у Государя Наслѣдника продолжатся до конца августа; затѣмъ онъ недѣли на три уѣдетъ въ Крымъ. У Николая Максимиліановича уроки прекращаются въ первыхъ числахъ іюня и начнутся въ сентябрѣ.

Глубоко уважающій васъ и душевно преданный вамъ

Викторъ Кудрявцевъ.

¹ О. Θεодоръ (Бухаревъ) много писалъ тогда въ духъ сближенія свѣтскаго общества съ духовно-правственными потребностями и за то былъ безпощадно преслѣдуемъ Аскотенскимъ.

5. Письмо И. М. Снегирева къ А. В. Горскому.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Постоянная ваша любовь къ отечественной древности и благо-расположеніе ко мнѣ обнадеживаютъ меня, что вы не потяготи-тесь прочесть приложенное здѣсь *Обозрѣніе русскаго иконописанія*. Если же гдѣ я не *дописалъ*, или *переписалъ*, то прошу покорнѣйше отмѣтить. Всякое ваше замѣчаніе, какъ благонамѣренный отзывъ, я приму за доказательство вашего усердія. Объ этомъ я хотѣлъ было также просить достопочтеннаго Федора Александровича ¹; но опасаюсь его обременять. Видно, что онъ много занятъ; по-тому что я до сихъ поръ не получилъ обѣщаннаго отвѣта на мое письмо. Вы меня крайне одолжите, если не задержите моей тетради.

У Максима Грека есть замѣчанія объ иконописи. Васъ на-добно поздравить съ возвращеніемъ его твореній въ Сергіеву обитель.

Черезъ достопочтеннаго Александра Петровича ² я послалъ вамъ каталогъ библіотеки Царскаго, гдѣ довольно есть мона-стырскихъ рукописей, поступившихъ въ нее отъ одного архео-графа ³.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга

И. Снегиревъ ⁴.

Москва,
февраля 26, 1849.

¹ О. А. Голубинскій, тогдашній профессоръ философіи въ Моск. Дух. Академіи.

² Святославскій, секретарь митр. Филарета, всегда сопровождавшій его въ Лавру. Снегиревъ жилъ неподалеку отъ Троицкаго подворья, былъ принятъ у митрополита и знакомъ съ окружающими его.

³ Имѣется въ виду, конечно, самъ Строевъ, описатель библіотеки. И. М. Снегиревъ любилъ такого рода замѣчанія.

⁴ Письмо занимаетъ страничку большаго листа почтовой бумаги; слѣдую-щія двѣ были страницы А. В. Горскій написалъ карандашомъ, — это от-рывочныя замѣтки, вошедшія потомъ въ составъ посланныхъ Снегиреву замѣчаній.

6. Письмо А. В. Горскаго къ И. М. Снегиреву.

Съ удивленіемъ получилъ я павѣтъ и письмо отъ вашего имени съ просьбою прочитатъ приложенную статью о Русскомъ иконописаніи. Помилуйте, Иванъ Михайлычъ! Да мы у васъ учились и учимся разумѣть эту грамоту, не при насъ писанную. Миѣ не приводилось изучать древніе памятники нашего иконописанія, какъ только по книгамъ и рисункамъ.

Впрочемъ, поелику въ статьѣ вашей есть вопросы и не художническіе, касающіеся исторіи Церкви, то я осмѣлился предложить вашему вниманію и опытности на разсмотрѣніе нѣсколько разрозненныхъ замѣчаній. Если они окажутся не дѣльными, то вините сами себя за то, что выбрали такого плохаго судью. Я бы не осмѣлился предложить ихъ, если бы не былъ къ тому вызванъ вами же самими.

Получилъ я *Описаніе рукописей Царскаго*; но въ надеждѣ видѣться съ вами на сырной недѣлѣ въ Москвѣ отлагалъ писать къ вамъ объ этомъ и усерднѣе благодарить васъ за ваше благорасположеніе. Но предположеніе мое не сбылось, и я доселѣ остаюсь предъ вами неблагодарнымъ. Простите Бога ради! Вы обогатили меня и вашими собственными учеными трудами.

Ефодору Александровичу я не представлялъ ни вашей статьи, ни своихъ замѣчаній, чтобы чрезъ то еще не замедлить отсылкою тетрадей къ вамъ. Онъ дѣйствительно занятъ трудами для оптинскихъ иноковъ¹. Къ тому же посѣтила его новая скорбь: онъ лишился племянницы въ Москвѣ.

Замѣчанія на статью Снегирева объ иконописи².

1. Занятое у западныхъ ученыхъ названіе иконописи Византійскою, кажется, не лучше обыкновеннаго у насъ названія для нея: *Греческое письмо*. Последнее и потому уже предпочтительнѣе, что обнимаетъ не только произведенія собственно Ви-

¹ Нѣкоторыя изданія Оптиной пустыни были на разсмотрѣніи у Ѳ. А. Голубинскаго, какъ у члена духовной цензуры.

² Такое заглавіе сдѣлалъ карандашомъ А. В. на черновыхъ листахъ замѣчаній, по которымъ они и печатаются.

зантійскихъ, или Константинопольскихъ иконописцевъ, но и другихъ, даже Корсунскихъ художниковъ.

2. Есть-ли основаніе въ самыхъ памятникахъ различать иконописаніе Корсунское отъ Византійскаго? Не по одному-ли тому обстоятельству мы различаемъ ихъ, что знаемъ о принесеніи иконъ изъ Корсуни святымъ Владиміромъ? Въ такомъ случаѣ это не есть особый видъ, или *пошибъ*. Безъ сомнѣнія, Корсунскія иконы смѣшались съ иконами существовавшими и вновь потомъ принесенными изъ Константинополя. И до обращенія св. Владиміра были церкви въ Кіевѣ, слѣдовательно были и иконы, и, вѣроятно, изъ Греціи. Если-же и остались нѣкоторые съ наименованіемъ Корсунскихъ, то можетъ быть не по характеру письма, но по другимъ, не зависящимъ отъ искусства, обстоятельствамъ, напримѣръ, потому, что они тамъ первоначально прославились чудесами.

3. „Византійскіе зоографы (а почему не зоографы?) передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и *типы лицъ*, кои были утверждены соборами и отцами церкви“. Чѣмъ можно доказать эту мысль, что типы лицъ въ иконописи греческой утверждены соборами? Ни на одномъ изъ извѣстныхъ соборовъ не видимъ разсужденій объ этомъ. На соборѣ Трульскомъ постановлено было не писать изображеній І. Христа въ видѣ Агнца. И только на седьмомъ вселенскомъ соборѣ были представляемы нѣкоторыя изображенія святыхъ въ книгахъ, но не для утвержденія типовъ, а съ другою цѣлію¹.

4. *Свитки и книги* греческихъ иконописцевъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ сохранившіеся до временъ *Симона*, едва ли суть *эскизы* и *прорисы* Византійскихъ художниковъ. Въ рукописи Патерика, откуда взято это извѣстіе, читается такъ: „суть же и нынѣ свиты ихъ на полатахъ и книги ихъ гречаные блюдомы въ память таковаго чудеси“ (то-есть чудеснаго явленія имъ Антонія и Θεοδοσία въ Константинополѣ и найма для работы въ

¹ Далѣе написано было, но зачеркнуто, слѣдующее: „Мѣсто это любопытно. Можетъ быть не попадались вамъ въ руки полныя дѣянія VII вселенскаго собора. Потому я выпишу его изъ имѣющагося у насъ изданія. Когда діакономъ Константинопольской Соевой церкви Дмитрій представилъ епигу, изъ которой иконоборцами вырвано было нѣсколько листовъ, относящихся до св. иконъ, тогда одинъ изъ присутствовавшихъ Леонтій, εἶπε: κὶ αλλο, πατέρες, σαυμάσιας, ἐς τὴν λ βυβλίαν τοῦτη. ὡς ορατε γὰρ ἀργύρας πτωχὰς ἔχει.

Кіевѣ). Не знаю, почему Карамзинъ напечаталъ *свитки* вмѣсто *свиты*. Дѣло идетъ о вещахъ, сохранныхъ на память чуда, а не о руководствахъ къ иконописи. И еслибы то были дѣйствительно руководства, почему бы не сказать Симону, что тѣ и другія хранятся у живописцевъ на полатахъ? Но о свитахъ онъ говорить, что онѣ на *полатахъ*, а о книгахъ говорить особо. Притомъ книги называются греческими. Если бы то были *прориси*, то къ чему это прибавленіе: *гречаны*? Слово *свита* въ томъ же Патерикѣ въ другомъ мѣстѣ дается значеніе нижней одежды. Напримѣръ, въ сказаніи о Спиридонѣ просфорникѣ: „се же возьмъ свою монацію закры устье печи, *свита* же завязавъ рукава и сю возьмъ, тече на кладязь, и ту наліявъ воды, скоро течеше“.

5. Ἐρημεία τῆς ζωροφικῆς, найденное Дидрономъ на Аеонѣ, въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ относиться къ XI или XII в., какъ думалъ издатель. Въ немъ упоминаются между святыми нѣсколько лицъ, которые жили гораздо позднѣе этого времени, напримѣръ, Григорій Палама, который жилъ въ XIV вѣкѣ, на стр. 317 и 390, патріархъ Филосей, то же XIV в., стр. 337. Да и у васъ ниже приводится изъ сей иконографіи мѣсто, гдѣ говорится о пріемахъ московскихъ художниковъ. А когда Русь стала называться у иностранцевъ по Москвѣ? Когда Москва приобрѣла такое значеніе, что ея имя начало распространяться на цѣлый народъ.

Впрочемъ, можетъ быть и найдутся подобныя руководства, болѣе или менѣе полныя, ранѣе XIV в. Замѣчательна въ Синодальной библіотекѣ между греческими рукописями, по каталогу Маттея подъ № CI статья, хотя не обширная: περὶ Ἐαραχτήρων Θεοφόρων πατέρων, изъ которой отрывокъ онъ напечаталъ на стр. 105 своего изданія: Vin-я Orationes Gregorii Naz. 1780 in 4°. Рукопись эта писана въ 993 году. Еще болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію святыхъ можно находить въ самыхъ изображеніяхъ ихъ, помѣщаемыхъ въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ житія ихъ, или сочиненія. Въ этомъ отношеніи опять можно указать на рукописи Синодальной библіотеки по каталогу Маттея подъ № CLXXXIV, сес. XI., о которой онъ говоритъ: hic codex pictorū sanctorū imaginibus insignis est; и между типографскими, по его же каталогу, X вѣка, in 4° подъ № 1 (р. 297), въ которой находится 24 изображенія къ 24 икосамъ и кондакамъ акаѳиста Божіей Матери. А еще ближе сюда идетъ упомянутый и въ приведенныхъ у васъ словахъ такъ-называемый „Подлин-

никъ“ (ркп. Царскаго), Менологиумъ имп. Василія, только не Македонянина (IX в.), а Булгороктона (X вѣка). Онъ изданъ, и съ лицевыми изображеніями святыхъ, въ Римѣ 1728 г. и есть въ нашей библіотекѣ¹. Только, къ сожалѣнію, въ рукописи греческой найдена одна первая половина года (съ сентября мѣсяца) съ изображеніями; въ другой ихъ нѣтъ. При изображеніяхъ нѣтъ описанія святыхъ, какъ бываетъ въ подлинникахъ, но только краткія біографическія свѣдѣнія о святыхъ, какія обыкновенно заключаются въ Прологахъ. Изъ этой рукописи нѣсколько изображеній помѣщено Д'Ажинкурромъ въ его *Histoire de l'Art par les monumens*, т. VI, Tabl. XXXI—XXXIII. При нѣкоторыхъ изображеніяхъ поставлены даже имена писавшихъ, чего нѣтъ и въ вышеупомянутомъ римскомъ изданіи. Это изданіе также есть въ нашей библіотекѣ.

Въ приведенныхъ вами словахъ изъ „Подлинника“ говорится между прочимъ, что съ тѣхъ „греческихъ мѣстныхъ иконъ (то-есть менологія Васильева, сохранившагося, какъ тамъ же сказано, съ лицевыми изображеніями на Аеонѣ) въ Кіевѣ и Новгородѣ древними иконописцами списанъ подлинникъ *словесно* (то-есть уже безъ картинъ) на хартіяхъ“. Хотя этому свидѣтельству и противорѣчитъ существованіе такихъ подлинниковъ не только на русскомъ языкѣ, но, какъ показываетъ списокъ Дидрона, и на греческомъ: во всякомъ случаѣ это свидѣтельство не въ пользу вышеприведеннаго толкованія, будто *свиты* и *книги* греческихъ иконописцевъ въ Лаврѣ содержали въ себѣ эскизы и прориси. Рукописный нашъ подлинникъ не знаетъ сохранившихся въ Кіевѣ свитъ и книгъ, но указываетъ на Аеонъ, откуда происходилъ и Дидроновъ списокъ.

6. „Иконопись на стѣнахъ по штукатуркѣ называется бытейскимъ письмомъ“. Ко всѣмъ ли изображеніямъ, помѣщаемымъ на стѣнахъ, относится это названіе? Изъ актовъ, относящихся до собора на Висковатова, видно, что кромѣ бытейскихъ дѣяній писались и „притчи“, а иногда, конечно, и лики святыхъ. Точно ли и это называлось бытейскимъ письмомъ?

7. На какомъ основаніи поименованіе извѣстнаго стиля иконописнаго Корсунскимъ производится не только отъ Корсуя Таврическаго, но и отъ Корсуя-Кіевскаго. Кажется, въ лѣтописяхъ для этого нѣтъ указаній.

¹ То-есть, въ академической.

8. Для отличенія одного пошиба отъ другого (напримѣръ Новгородскаго отъ Московскаго и др.) нельзя ли указать какихъ-нибудь еще другихъ признаковъ, кромѣ пріемовъ художническихъ, не всегда удобно опредѣлимыхъ? Въ концѣ вашей статьи вы слегка коснулись этого вопроса. Но, мнѣ кажется, онъ требовалъ бы большаго раскрытія. Вамъ, какъ знатоку дѣла, ясны и малѣйшіе признаки различія; а намъ профанамъ хотѣлось бы видѣть болѣе яркіе и очевидные. Икону св. Софіи, премудрости Божіей, по образцу Новгородскому мы различимъ отъ Кіевского. Нельзя ли указать подобныхъ признаковъ, болѣе или менѣе свойственныхъ каждому пошибу, въ самомъ содержаніи изображеній? Свидѣтельства лѣтописи о пріѣздѣ по временамъ греческихъ художниковъ для расписанія той или другой церкви, — свидѣтельства, встрѣчающіяся нечасто (въ 1¹/₂ столѣтія два раза), повидимому не отнимаютъ надежды доискаться до существующихъ въ самыхъ изображеніяхъ признаковъ той или другой школы. Чѣмъ далѣе мы отступали отъ начала церкви, когда должны были заимствоваться отъ Грековъ, тѣмъ болѣе налагали свою печать на усвоенномъ. Уже первый списокъ съ греческой (иконы) навѣрное много отлпчался отъ оригинала, а новый списокъ со списка еще болѣе. Съ другой стороны при первоначальной раздѣленности Россіи на разныя княженія удобно эти разности могли укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по своему.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе даровитыхъ художниковъ въ той или другой школѣ могли развиваться разныя направленія въ живописи: собственно *историческое*, изображающее лица и событія, священныя для православнаго христіанина; *олицетворительное*, воплощающее мысль извѣстнаго стиха библейскаго, пѣсни церковной, молитвы и т. п. въ формы ясныя, простыя, безъ иносказанія выражающія то, что предполагалось выразить; и *символическое*, передающее мысль художника въ какихъ-нибудь произвольно взятыхъ образахъ, „притчахъ“. Тогда въ олицетвореніи мысль художника становится наглядною, въ символахъ она закрывается. Мнѣ думается, что изъ этой разности направленій, отдѣльно въ различныхъ школахъ развившихся, и потомъ въ половинѣ XVI ст. столкнувшихся въ Москвѣ, можно изъяснить волненія того времени.

9. Вы полагаете: Іоанъ Спаситель не есть ли Іоанъ писатель? и такимъ образомъ не онъ ли въ Москвѣ примѣшалъ къ

московскому пошибу нѣкоторыя черты фряжской иконописи? Но, во-первыхъ, Іоаннъ былъ-ли живописецъ? — этого не видно. Во-вторыхъ, писатель не могло значить живописецъ. Расписаніе церквей у насъ называлось *подписаніемъ*, а не списаніемъ, что относилось къ сочиненію, или къ списыванію. Въ-третьихъ, наименованіе *Спасителъ* могло быть не странно въ той странѣ, откуда онъ происходилъ. Такъ былъ въ Италіи живописецъ Сальваторъ Роза. Въ-четвертыхъ, волненія въ Москвѣ изъ-за иконъ въ половинѣ XVI ст. должны были раскрыть начало этого смѣшенія стилей (русскаго и фряжскаго), еслибы оно существовало въ главныхъ соборныхъ храмахъ въ концѣ XV ст. или началѣ XVI в. Вмѣсто этого современные акты показываютъ иную причину споровъ. Гдѣ на стоглавомъ соборѣ говорилось о поврежденіи иконописи отъ подражанія латинскимъ образцамъ?— этого нѣтъ.

10. Упомянутыя иконы не тогда вновь появились въ церквяхъ русскихъ. Сильвестръ, на. отвѣтственности котораго находилось расписаніе Успенскаго собора и другихъ церквей и палатъ, говоритъ, что ничего вновь не изобрѣтали, все сдѣлано по старымъ образцамъ. „И ты, государь, св. митрополитъ и весь освященный соборъ, обыщите и разсудите, *еще едину черту изъ приложилъ* своего разума: всѣ отъ древняго преданія, какъ иконописцы пишутъ по образцамъ, каковы будутъ у нихъ есть святыя и истинныя иконы, и бытійская дѣянія и иныя многія притчи“ (Чтен. 1848 г. № 3. Московскіе соборы XVI в. стр. 21). Митрополитъ Макарій защищалъ всѣ иконы и изображенія, противъ которыхъ возражалъ Висковатый, какъ противъ необыкновенныхъ. Итакъ, иконы и изображенія не были вновь придуманы; но они до сихъ поръ болѣе извѣстны были по другимъ городамъ, чѣмъ въ Москвѣ; особенно много перенесено новыхъ для Москвы образовъ изъ Новгорода и Пскова; тамошніе и художники ихъ приготовляли. Вотъ что произвело смуты (Объ этомъ ясно говорится въ указанныхъ актахъ Моск. соб. XVI в.). А это ведетъ къ вышеприведенному соображенію, что въ раздробленной по разнымъ областямъ Россіи мало-по-малу образовались свои направленія, свои типы и въ иконописи, какъ они существовали и во всей жизни. Само собою разумѣется, что теперь, когда Россія стала тѣснѣе подъ властью единодержавнаго царя между собою соединяться, эти разности скоро должны были раскрыться. Макарій и Сильвестръ, пришедшіе изъ Новгорода, думали пере-

нести въ Москву свой вкусъ, свои олицетворенія, свои символическія начертанія. И вотъ въ лицѣ Висковатаго выразилось недовольство Москвы на эти нововведенія.

11. Икона „Страшнаго суда“ навѣрное стала извѣстна у насъ не съ конца XIV ст. Она является еще въ исторіи обращенія св. Владиміра; въ греческой церкви извѣстна еще въ VI столѣтіи. На чемъ основана мысль, что эта икона только съ началомъ XV ст. начала распространяться въ сѣверо-восточной Россіи? Развѣ мысль о близкой кончинѣ міра, которою были тогда всѣ заняты при непрерывныхъ моровыхъ болѣзняхъ, могла чаще устремлять взоры къ этому изображенію?

12. Желательно бы видѣть подтвержденіе на то, что образа: Господь Савооѣ съ семьѣю вѣками, І. Христосъ съ колчаномъ и лукомъ и въ подобіи агнца—заимствованы у латинянъ. Что касается до перваго, то можно думать, что мысль о немъ взята изъ полнаго житія Андрея Юродиваго. Между сочиненіями Максима Грека есть замѣчанія, очень невыгодныя объ этомъ житіи, именно касающіяся вопроса о *семи вѣкахъ*. Образъ Спасителя съ колчаномъ и лукомъ защищалъ Макарій на соборѣ противъ Висковатова греческими отцами (Чтен. р. 13). Изъ этого защищенія можно было бы выводить, что образъ этотъ самоизобрѣтенный, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій библейскихъ и отеческихъ. Образъ Спасителя въ подобіи агнца извѣстенъ и въ греческой церкви, хотя и запрещенъ на соборѣ Трульскомъ.

Что такое *св. Троица съ чинами*?

13. Правда-ли, что орелъ почитается атрибутомъ св. Марка, а левъ—Іоанна въ латинской церкви? Писатели латинской церкви говорятъ, что у нихъ, согласно съ нами, орелъ признается принадлежностью Іоанна, а левъ—Марка. Только у св. Иринея (Противъ ересей, кн. III, гл. 2) атрибуты перемѣшаны согласно съ названнымъ у васъ латинскимъ порядкомъ; однако же его авторитетомъ церковь римская не увлекалась.

Marcus frendens ore Leonis, говоритъ одинъ толкователь символовъ XIII в.

Что касается до образа Спасителя, именуемаго *Pietas*, то вотъ что пишетъ объ немъ Максимъ Грекъ въ письмѣ къ какому-то архіерею: „Священное образованіе священныя и покланяемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, глаголемое по-римски: *пѣтасъ*, еже есть по-русски милосердіе, или благочестіе, а не уныніе, нѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ такова показа себе списателю душе-

полезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру, своему діакону, показа себе во время церковныхъ литургій священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, вѣгда влагаше въ потиръ четвертую часть святаго и поклоняемаго Агнца. Сичево нерукотвореніе (ипое) божественное образованіе видѣвъ священныи Григорій, стояще противу святаго потира, умилися, якоже лѣпо бѣ, и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Дусѣ Святѣ, тако сказа иконописцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе. И оттолѣ начать сичево священное образованіе Спасово въ святыхъ Божіихъ храмѣхъ писатися. Сиде азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италіанѣхъ, у нихъ живый время довольно, юнѣ еще сый, держася мірскаго житія“. Только у Максима.

14. Расколы и ереси вслѣдствіе отступленія отъ завѣтныхъ первообразовъ“. Гдѣ же они въ XVI вѣкѣ? Висковатый возставалъ противъ нововведеній, и его-же обвинилъ Макарій съ соборомъ; но и онъ, какъ самъ говоритъ, еретикомъ Висковатова не назвалъ (Чтен. р. 8).

15. „Мѣстный образъ св. Троицы въ Троице-Сергіевой лаврѣ“. Но у насъ ихъ два. Одинъ стоитъ на правой сторонѣ, подлѣ царскихъ вратъ, другой—на лѣвой и считается поступившимъ въ даръ отъ царя Ивана Васильевича.

16. „Могла-ли процвѣтать иконописъ въ Кіевѣ“? Замѣчательны слова Петра Могилы въ его книгѣ *Камень* о Супрасльскомъ монастырѣ: „Спроси кого-нибудь въ томъ монастырѣ: гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлощенными ризами? и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя италіянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное“.

17. Ежели Каппоніевы иконописныя святцы писаны русскими художниками въ Москвѣ, и притомъ такъ поздно, въ XVII в., то нужно бы объяснить, почему въ этихъ святцахъ нѣтъ ни одного святаго изъ русскихъ. Ибо хотя Ассемани въ своихъ *Calendaria* и объясняетъ имена нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ, но всегда по другимъ мѣсяцесловамъ, а не по Каппоніевымъ святцамъ, съ которыхъ оттискъ приложенъ къ его книгамъ.

18. На иконописъ у насъ въ XVII в. есть прямыя жалобы: Востокова Опис. Рум. муз., стр. 554, 575. И патріаршее предписаніе, вѣроятно, вслѣдствіе сихъ жалобъ. Акты Арх. Ком., т. 1.
